

К
о
р
ш
у
н
и
.
Ж
е
в
с
к
и
я
.
С
ф
и
н
к
с

К
о
р
ш
у
н
.
А
л
б
я
.
К
о
р
н
у
ш
о
в

Илья Коршун Корпушов

Коршун и Невский Сфинкс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72281173

ISBN 9785006768420

Аннотация

Путь восхождения подлинного Досточтимого Мастера Достопочтенной Ложи «Невский Сфинкс» №1 на Востоке города Санкт-Петербурга.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ИЛИ КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ, КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ	5
Откройте. Начните. Летите	9
Если бы душа родилась крылатой	9
Коршун среди облаков	14
Коршун в истязаниях страстей	19
Это было ново. Опасно. Страсть	20
Творчество: Путь Вдохновения и Свет Бытия	24
И тогда пришел Свет	25
Это и был Путь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Коршун и Невский Сфинкс

Илья Коршун Корпушов

© Илья Коршун Корпушов, 2025

ISBN 978-5-0067-6842-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЛИ КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ, КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Представьте, что вы поднимаете с пыльной полки старую тетрадь в кожаном переплете. Страницы пожелтели, чернила выцвели, но когда вы касаетесь бумаги, под пальцами возникает дрожь. Не ваша. Её. Она дышит. Она помнит. Она знает цену каждого слова, вписанного сюда не пером, а кровью крыльев, обожжённые пламенем, омытых невской сыростью. Вы держите не книгу. Вы держите ключ.

Это – история Коршуна. Но не птицы. Существа. Того, чья душа родилась крылатой в мире, где полет – ересь, а зоркость – проклятие. Он начинал с мифа: юноша в пыльной библиотеке, замороженный ликом богини-коршуна Нехбет, давший себе имя-оберег и имя-приговор. Он прошел через огонь страсти, выжигающей душу дотла. Он познал ледяное одиночество изгнания, когда собственное слово объявляют «чириканьем», а свет в пылинках – слепотой. Он был Белой Вороной среди ворон и коршунов, отверженным вдвойне.

Но эта книга – не просто хроника падений и взлетов. Это карта лабиринта, сплетённого из:

Папирусов, ставших камнем: От юношеских стихов к Нехбет – к фундаментальным трактатам о Египте, где миф растворен в прахе фактов. Круг замкнулся? Или это Уроборос, кусающий хвост вечности?

Невских Сфинксов: Древние стражи с берегов Нила, вмурованные в плоть Петербурга. Их каменные глаза видели фараонов и императоров. Что они видят в вас, когда вы проходите мимо? И чей взгляд – сфинкса или парящего над ним коршуна – следит за вами со страниц?

Семи Лучей в Хрустальной Призме: В тишине масонской ложи «Невский Сфинкс» Коршун узнал себя. Его жизнь – спектр, разложенный на семь цветов: от красного пламени страсти до фиолетовой глубины синтеза. Каждая глава здесь – луч, пронзающий туман обыденности. Что откроется вам, если сложить их вместе?

Тетради с Роковой Печатью: Та самая, где впервые начертано имя «КОРШУН». Где заплата – одиночество под луной Нехбет. Она не просто артефакт. Она – договор. С кем? С богиней? С судьбой? С той частью души, что требует высоты ценою всего?

Камня-Скарабея: Подлинного, из Карнака. Символ возрождения, вечного возвращения. Он лежит на чистой странице новой главы, тяжелый и холодный. Он напоминает:

от пламени мифа – к прочности камня. От камня – обратно к свету. Но какой ценой дается это превращение? И не ждет ли подобная трансформация читателя, отважившегося погрузиться в эти воды?

Почему вы должны пройти этот путь?

Потому что «Коршун и Невский Сфинкс» – не роман. Это ритуал. Ритуал прикосновения к тайне творчества, которая есть тайна бытия. Ритуал прохождения через тернии одиночества, страсти, отчуждения и изгнания к обретению своего золотого сечения – точки невозможного равновесия между небом в душе и землей под ногами.

Здесь есть мистика факта, ставшего откровением. Мистика слова, высекающего искру смысла из камня времени. Мистика встречи с самим собой – тем, кто способен парить как Коршун, видеть свет в пылинках как Ловец, и нести крест Белой Вороны с достоинством храмового писца.

Внимание, читатель: Когда вы откроете первую страницу, вы разорвёте печать. Вы примете ключ. Вы вступите на мост между миром и мифом, между Невой и Нилом. Будьте готовы к тому, что тени сфинксов зашевелиятся в углу вашей комнаты. Что шелест страниц станет похож на шорох крыльев за окном. Что ваше собственное отражение в стекле,

возможно, ненадолго обретёт пронзительный взгляд хищной птицы, парящей над вечностью.

Готовы ли вы заплатить свою цену за высоту? Готовы ли вы стать избранным зрителем для Невского Сфинкса? Готовы ли вы услышать шепот папируса, который помнит прикосновение руки, подписавшейся «Коршун» под холодной лунной посвящения?

Дверь перед вами. Она отмечена знаком Уробороса и отблеском невиской воды. За ней – не просто история. За ней – ваше место в круге света. Ступайте. И помните: плата за истинный полет всегда внесена заранее. Одиночеством. Мужеством. Готовностью увидеть.

Автор предисловия (или, быть может, лишь Голос из Тени Папируса)

Откройте. Начните. Летите

Если бы душа родилась крылатой

Он всегда знал. Не в буквальном смысле, конечно. Но в те предрассветные часы, когда город затихал до глухого роко-та, он ощущал их – огромные, незримые, тяжёлые и невесо-мые одновременно. Они бились где-то под рёбрами, в самой глубине, где прячется нечто большее, чем просто человек. Крылья тоски по полету. Не физическому, а тому, что выры-валось наружу только через перо и чернила.

Он писал. Слова были не просто символами. Это были перья, выпадающие из тех самых крыльев, обретающие форму на бумаге. Он ловил шквалы вдохновения – внезапные, неудержимые – и пытался впрячь их в упряжку строк, выко-вать из хаоса смысл, из немого крика души – песню. Каждая законченная страница была мощным взмахом, победой над притяжением обыденности. Каждая заброшенная – падени-ем в бездну немоты. И плата за каждый взлёт была неизмен-на – одиночество.

Оно подкрадывалось неспешно. Сначала друзья, считав-шие его погружённость забавной чудаковатостью. Потом –

Она. Тёплая, живая, настоящая. Любившая его искренне, по-земному. Но Она не видела крыльев. Для Неё его ночные бдения за столом, его внезапное отрешение, его уход в тишину собственных миров были лишь странностями, милыми особенностями, которые стоило принять.

Однажды вечером, когда за окном вспыхнули тысячи огней человеческого уюта, а в его комнате горел лишь одинокий свет лампы над рукописью, Она пришла. В Её глазах читалась усталость и что-то острое, похожее на обиду.

«Довольно. Завтра выходной. Брось это, пойдём куда-нибудь. Или просто... поговорим? По-настоящему, а не этим твоим шёпотом из иных миров?» – Голос Её пытался быть лёгким, но звучал натянуто.

Он оторвался от листа, где зарождалась новая вселенная, и посмотрел на Неё. Видел доброе, любимое лицо, искреннюю заботу. И почувствовал, как незримые крылья за спиной напряглись, готовясь к взмаху, который унесёт его прочь – от тепла Её рук, от простого счастья, которое Она предлагала здесь, на земле.

«Я... не могу сейчас. Оно... летит», – выдохнул он, взгляд уже невольно скользнул обратно к строчкам, уносясь ввысь.

Она вздохнула, долгий, усталый вздох. «Что летит? Слова? Ты? От меня?» – Боль в Её голосе была почти осязаемой. «Я тебя люблю. Но ты... ты всегда где-то там, в облаках. А я здесь. На земле. И я устала звать тебя обратно».

Тишина сгустилась, как тяжёлый пар. Он закрыл глаза. Выбор стоял жёсткий: сложить крылья, приземлиться, стать «нормальным». Или... расправить их во всю незримую мощь и оторваться, зная, что земля с Её теплом и любовью останется далеко внизу. Одиночество как плата за высоту.

Он поднял на Неё глаза. В них не было оправданий, лишь глубокая, древняя печаль человека, понявшего свою природу.

«Моя душа... она родилась крылатой, – сказал он тихо, но с железной твёрдостью. – Я не могу их сложить. Не могу перестать летать. Это не слова летят. Это я. А если я приземлюсь... я умру. Не телом. Но то, что во мне главное – сгинет».

Она смотрела на него, словно впервые видела. Видела не просто мужчину, а то странное, непостижимое существо с огромными, невидимыми Ей крыльями. Видела ту самую плату, о которой он не говорил прямо, но которая висела в воздухе между ними незримой гранью. **Одиночество.**

Она молча встала. Подошла, осторожно коснулась губами его лба – прощально. Шаги за дверью стали последним эхом уходящей земли.

Он сидел неподвижно. В комнате воцарилась тишина иного порядка. Огромная, звенящая, как вакуум между мирами. Одиночество обняло его, не как палач, а как единственный верный спутник полёта. Оно не было пустотой. Оно было пространством, необходимым для взмаха крыльев. Разреженным воздухом, в котором только и можно парить.

Он подошёл к окну. Глубоко вдохнул прохладную ночную сырость. Где-то внизу, в долине огней, кипела жизнь: люди любили, страдали, строили свои маленькие миры. А здесь, на высоте, куда его поднимали незримые крылья души, было лишь безмолвие и безграничная свобода творить.

Он вернулся к столу. Перо в руке, чернила ждали. И снова – взмах. Строка за строкой, вселенная за вселенной. Боль от потери горела, как раскалённое железо. Но эта боль была топливом, частью того вихря, что поднимал его ввысь. Плата была внесена сполна. И теперь, в звенящей тишине своего одиночества, он летел. Выше туч, выше сомнений, выше уютного счастья обычных людей. Потому что его душа родилась крылатой, и летать – значило дышать, даже если цена

этому – вечное одиночество под холодными, безучастными звёздами.

Отлично. Продолжаем историю с мужской перспективой, углубляя метафору «Коршун среди облаков» – символ одинокого, высотного видения, жестокой свободы и отрешенности, необходимой для творчества. Вот новый эпизод:

Коршун среди облаков

Годы после ухода земли растворились в чернильных реках и бумажных горах. Одиночество, когда-то обжигавшее как ледяной ветер на высоте, стало плотью, костью, воздухом в легких. Оно больше не было горем – оно было пространством. Безбрежным, безмолвным, идеальным для полета. Его комната, заваленная рукописями и исписанными листами, превратилась в гнездо на скале, подвешенное между реальностью и мирами, рождавшимися под его пером.

Он писал. Неистово, как одержимый. Слова были уже не перьями, а когтями и клювом. Они разрывали плоть банальности, выклевывали суть из-под оболочки явлений. Его проза стала острее, холоднее, безжалостнее. Он видел слишком много, с той высоты, куда его подняли крылья души. Видел мелочность страстей, шаткость человеческих связей, трагикомедию повседневности. И записывал это с хищной точностью коршуна, высматривающего добычу с недостижимой вышины.

Однажды пришло письмо. Не электронное – конверт из плотной бумаги, с логотипом солидного столичного издательства. Предложение. Не просто публикация – издание собрания. Признание. Земля, та самая, которую он когда-то по-

кинул, протягивала руки вверх, пытаюсь дотянуться до него.

Он прочел письмо у окна, глядя на город, раскинувшийся внизу как игрушечный. Чувства? Смутное, отдаленное удовлетворение, как у коршуна, заметившего вспышку рыбы в далекой реке. Ни радости, ни триумфа. Признание было тенью от его крыльев, падавшей на землю, а не самой высокой.

Встреча с редактором назначена была в тихом, дорогом кафе. Он пришел, чувствуя себя чужим среди мягких кресел, запаха кофе и приглушенных разговоров. Земные звуки резали слух, привыкший к звону безмолвия его выси.

Редактор – ухоженный мужчина с умными, оценивающими глазами – говорил много и хорошо. Хвалил его «пронзительный талант», «невероятную глубину», «уникальный стиль». Говорил о читателях, о славе, о месте в литературе.

Он слушал, глядя сквозь витрину на проплывающие облака. Слова редактора казались ему далеким гулом, как шум города с высоты птичьего полета.

«...Ваши тексты, – говорил редактор, раскладывая перед собой чистые листы контракта, – они... они как взгляд сверху. Беспощадный, но такой точный. Как будто коршун парит

над миром и видит все его изъяны».

Он медленно перевел взгляд на редактора. Впервые за весь разговор их глаза встретились по-настоящему.

«Коршун, – повторил он тихо, и в голосе его прозвучало что-то металлическое, холодное. – Да. Это верно. Коршун видит. Видит мельчайшую трещину на камне, дрожь мыши в траве, ложь в улыбке. Видит, потому что он один. И потому что ему нет дела до тепла гнезда внизу. Его дело – видеть. И парить».

Редактор слегка смутился, почувствовав неожиданную остроту ответа. «Конечно... метафора. Гениальная метафора вашего творчества! Но... – он понизил голос, стал деловитым, – читателю иногда нужно... ну, немного тепла? Намек на то, что коршун, может быть, помнит, что когда-то был птенцом в гнезде?»

Он улыбнулся. Улыбка была безрадостной, как изгиб клюва перед броском.

«Коршун не помнит гнезда, – сказал он четко. – Он помнит только ветер под крыльями и зов высоты. Тепло – это для тех, кто на земле. Оно мешает видеть. Оно затуманивает взгляд. Коршун, спустившийся за теплом, перестает быть

коршуном. Он становится... уязвимым. И слепым».

Он отодвинул от себя нетронутый кофе. Листы контракта лежали между ними как пропасть.

«Мои книги – это взгляд с высоты. Холодный, точный, безжалостный. Таким он и должен быть. Без сантиментов. Без ложного тепла. Иначе... это будет не правда. Не *мой* полет».

Редактор нахмурился. «Но читатель... рынок...»

«Читатель, который хочет тепла, – перебил он, поднимаясь, – пусть остается у очага. Мои книги – для тех, кто осмелится поднять голову и взглянуть в бездну неба. Для тех, кто поймет цену высоты. Цену одинокого полета коршуна».

Он вышел из кафе, не оглядываясь. Воздух улицы, прохладный и наполненный городскими запахами, ударил в лицо. Но он уже не чувствовал его как часть земли. Он чувствовал его как среду. Воздух, в котором можно лететь.

Поднимаясь в свою комнату-гнездо, он снова смотрел на облака. Белые, клубящиеся, бесконечно свободные. Он был среди них. Коршун. Хищник видения. Пленник высоты. Плата – одиночество под холодными звездами – была вне-

сена давно и полностью. Но в этой безжалостной свободе, в этой ясности взгляда сверху, в этой немой песне крыльев, рвущих тишину стратосферы души, была его единственно возможная, горькая и бескрайняя правда. И она стояла всех оставленных внизу очагов.

Коршун в истязаниях страстей

Годы летели, как облака под неумолимым крылом. Его имя – то самое, что когда-то было на конверте издательства – стало шипом, знаком качества для немногих, способных выдержать ледяную ясность его прозы. Он парил. Выше прежнего. Его гнездо-комната превратилось в келью аскета, где единственным божеством был взмах пера, рождающий миры из чернильной пустоты. Одиночество стало не просто пространством – оно стало броней. Непробиваемой скорлупой, защищающей хрустальную чистоту его высотного зрения. Он был Коршуном. Царь-воздуха. Непрístupный. Неуязвимый.

До того вечера.

Ее звали... неважно. Звук имени уже был пеплом на языке. Она пришла не в его мир – он наткнулся на нее случайно, в пыльном архиве редких книг, где искал один забытый фолиант. Она стояла у высокого окна, свет заката обжигал медные пряди ее волос, а профиль был резким, как высеченный из горной породы. И глаза... Глаза были не теплыми, как у той, давней. Они были холодными озерами, скрывающими вулкан. Глаза хищницы. Его собственной породы, но – земной.

Он, привыкший видеть людей со своей высоты как муравьев с их мелкими страстями, вдруг споткнулся. Не физически. Внутри. Там, где годами царил лишь мерный гул крыльев и шелест страниц. Что-то дрогнуло в броне. Зазвенело, как треснувшее стекло.

Сближение было молниеносным и странным. Не ухаживаниями. Не романтикой. словно два острых клинка, нашедших друг друга в темноте. Они говорили о Ницше и Борхесе, о черных дырах и абсурде бытия. Ее ум был острым, беспощадным, как его собственный. Ее ирония – лезвием. Она не боялась его высоты. Она *бросала ему вызов*, пытаясь подняться к нему на своих, земных, но невероятно сильных крыльях ума и воли. И он, Коршун, привыкший к безмолвию своей выси, вдруг почувствовал азарт.

Это было ново. Опасно. Страсть

Не тепло. Не нежность. А бешеная, темная река, ворвавшаяся в его отлаженный мир. Она была не гнездом, она была **пожаром**. Он, наблюдавший страсти со стороны как патолог вскрывает труп, вдруг оказался на анатомическом столе. Его собственное тело, годами забытое инструментом для письма, вспомнило о себе – жаром, дрожью, мучительной жаждой. Его разум, всегда ясный и контролирующий, за-

волокло дымом наваждения. Он писал о ней. Стихии. Безумные, жуткие строки, где коршун рвал клювом собственную плоть, пытаясь вырвать наваждение. Он звал ее – не голосом, а воплем души, сорвавшейся с высоты. Он бежал от нее – и сам же оставлял следы, как раненый зверь.

Она входила в его келью, как ураган. Запах ее духов, острый и чуждый, смешивался с запахом старых книг и чернил. Она касалась его рук – и он чувствовал, как крылья души цепенеют, тяжелеют свинцом. Она требовала – не любви в привычном смысле, а всего. Поглощения. Она хотела не просто быть рядом с Коршуном – она хотела связать его крылья, приковать к земле своей собственной, земной, но невероятной силой. Ее страсть была не светом, а пламенем, которое не согревает, а истязает.

«Ты же видишь все, Коршун? – шептала она, ее губы обжигали его шею, а слова резали, как нож. – Видишь, как я тебя разрываю? Как твоя высота рассыпается в прах? Ты боишься? Боишься упасть и почувствовать?»

Он пытался отстраниться. Взлететь мыслью в привычную высь. Но облака были затянуты дымом этого пожара. Его зоркий взгляд, видевший суть вещей, теперь видел только хаос в собственной душе. Он поймал себя на том, что ждет ее шагов на лестнице. Что ищет ее взгляд в толпе. Что жаж-

дет – не ее, а того безумия, которое она несла, той боли, которая была слаще любого покоя. Он стал Коршуном на дыбе собственных страстей. **Истязаемым**. Разрываемым между небом, которое было его сутью, и этим адским, манящим пламенем внизу.

Однажды ночью, после особенно жестокой ссоры – битвы двух волей, двух эгоизмов, двух черных пламеней – она ушла, хлопнув дверью. Он стоял посреди комнаты, заваленной исписанными листами, полными ее и своей муки. Тишина после бури оглушала. Он подошел к окну. Город внизу был усыпан огнями, как драгоценностями. Но он не видел их красоты. Он видел пустоту. Ту самую, в которой когда-то парил свободно. Теперь она была отравлена.

Он поднял руки – незримые крылья. Они были тяжелыми, будто на них налипли комья грязи, крови, пепла страсти. Взмах – и он почувствовал боль. Острую, рвущую. Боль от растянутых сухожилий души. Боль от того, что броня треснула.

Он попытался писать. О чем-то отвлеченном. О звездах. О вечности. Но перо выводило лишь одно слово, снова и снова, как наваждение: «Пламя... Пламя... Пламя...»

Он понял. Страсть не согрела его. Она выжгла. Оставила

в душе черный ожог, пропахший дымом и безумием. Он снова был один. Но это одиночество было другим. Не чистым пространством для полета, а пустыней после битвы. Он поднял глаза к небу. Облака плыли, холодные и безучастные. Он все еще был Коршуном. Но теперь он знал цену не только высоты. Он знал цену падения. И знал, что в его броне навсегда останется трещина – шрам от истязаний страсти, напоминание о том, что даже коршун может быть сожжен пламенем, которое он когда-то презрительно наблюдал с недостижимой вышины. Полёт теперь будет другим. Тяжелее. С памятью об огне, который чуть не спалил его крылья дотла.

Творчество: Путь Вдохновения и Свет Бытия

Пламя ушло. Оставив не пепелище, а выжженную равнину души. Тишина, воцарившаяся после урагана страсти, была иной. Не прежней, звенящей пустотой высоты, а тяжелым, плодородным молчанием земли после пожара. Боль была тлеющим углем под слоем пепла – не острая, но всеядная. Он, Коршун, ходил по своей комнате-келье, и крылья его, незримые, волочились, как обожженные знамена. Взгляд, когда-то ясный и беспощадный, теперь видел мир сквозь дымку усталой печали.

Он пытался писать. О том, что знал – о холоде высоты, о жестокости видения. Но слова ложились на бумагу мертвыми, как камни. Вдохновение – тот неистовый ветер, что нес его прежде, – замерло. Он сидел над пустым листом, и в тишине слышал лишь стук собственного сердца, напоминавший капли воды в бездонном колодце одиночества. Была ли это смерть? Конец полета? Цена истязаний оказалась выше, чем он думал – не просто боль, а паралич крыла.

Дни сливались в серую ленту. Он смотрел на облака за окном – те же, белые, свободные. Но путь к ним казался отрезанным. Он был коршуном с подбитыми крыльями, наблю-

дающим небо из клетки собственной опустошенности.

И тогда пришел Свет

Не внезапно, не в озарении. Не с громом и сиянием. Он приполз, как первый луч солнца сквозь щель в ставне после долгой ночи. Маленький. Хрупкий. Почти неуловимый.

Это был не ветер вдохновения, что рвал и кружил. Это был Ручей. Тонкий, прозрачный, но неиссякаемый. Он забил где-то в самых глубинах выжженной равнины, в том самом месте, где пламя страсти спалило все дочиста, обнажив скальное ложе сути.

Сначала это было просто наблюдение. Он сидел у окна, не пытаясь лететь, не пытаясь писать. Он смотрел. На то, как дождь омывает стекло, рисуя причудливые реки. На пылинку, танцующую в луче света. На усталое лицо старухи, продающей цветы на углу. Он видел не изъяны, не абсурд – он видел бытие. Простое. Хрупкое. Невероятное в своем ежесекундном чуде существования. В его взгляде не было прежней хищной оценки коршуна. Было принятие. Тихий, почти благоговейный интерес.

И однажды, глядя, как голубь неуклюже ковыряет крошку на подоконнике, он почувствовал легчайший толчок.

Не в груди, где бились крылья. Глубже. В самой сердцевине молчания. Это был не порыв. Это было побуждение. Тихое, но неумолимое. Запиши.

Он взял перо не как оружие, не как инструмент пытки реальности. Он взял его как проводник. Не для того, чтобы выклевывать истину, а чтобы уловить свет, пробивающийся сквозь обыденность. Он коснулся пером бумаги. И потекли слова. Не острые когти мысли, а прозрачные струи видения. Он писал о голубе. О его глупой настойчивости. О блеске его шеи на солнце. О крошечной вселенной в его бусинке-глазу. Он писал не о, а из. Из того самого источника, что забил в глубине.

Это и был Путь

Не взлет к заоблачным высям, а погружение в светоносную ткань самого бытия. **Вдохновение вернулось**, но иным. Не бурей, а глубоким, спокойным течением. Оно не уносило его от мира, а погружало в самую его сердцевину, открывая свет там, где раньше он видел лишь тени и изъязны. Он писал о пыли на книгах, о скрипе половиц, о вкусе черствого хлеба – и в этих простых вещах проступало невыразимое сияние присутствия, та самая «is-ness» бытия, которую не схватишь когтями анализа, но можно принять всем существом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.